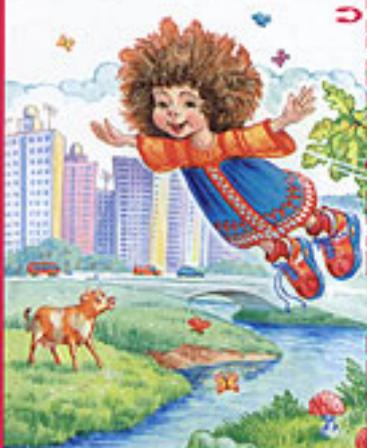

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МАЛЕНЬКОЙ ВОЛШЕБНИЦЫ

КАРИШНЕВ-ЛЮБОЦКИЙ

ИФ
«ТЮШИНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА»
АСТ

МУСМУЛ
КАРИШНЕВ-ЛЮБОЦКИЙ

Михаил Александрович Каришнев-Лубоцкий
Тайна Муромской чащи
Серия «Волшебные каникулы Уморушки», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=185982
Приключения маленькой волшебницы, или Каникулы Уморушки: Пушкинская библиотека, АСТ;
Москва; 2005
ISBN 5-94643-214-1, 5-17-030761-6

Аннотация

В этой книге вы встретитесь с маленькой волшебницей Уморушкой и ее друзьями... Вместе с ними вы совершите необыкновенные путешествия, станете участником многих превращений и удивительных встреч.

Цикл сказочных повестей «Волшебные каникулы Уморушки» награжден в 2008 году премией имени П. П. Ершова в номинации «Лучшая сказка России».

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	6
Глава третья	8
Глава четвертая	12
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	18
Глава восьмая	21
Глава девятая	23
Глава десятая	25
Глава одиннадцатая	26
Глава двенадцатая	27
Глава тринадцатая	28
Глава четырнадцатая	29
Глава пятнадцатая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Михаил Каришнев-Лубоцкий

Тайна Муромской чащи

повесть-сказка

Глава первая

Славная минута – я начал!.. Давно уже собирался рассказать эту историю, да все как-то руки не доходили. То авторучка плохая, то бумага, то то, то се... И вдруг я спохватился: время бежит, а моя история так при мне и остается! Разве это дело? Нужно рассказывать! Накупил я хорошей бумаги, авторучек с десятков, взял отпуск на работе, сел за письменный стол и... задумался: а с чего начинать? С того, как Маришка Королева первый класс закончила и на каникулы к дедушке с бабушкой в Апалиху заявила? Не очень-то интересно. С того, как бригадир лесорубов Григорий Опилкин самовольно решил в Муромскую Чащу ехать, чтобы всю ее подчистую вырубить? Ну, это совсем для взрослых! С того, как... Нет, и с этого не хочется. И тут мне словно подсказал кто-то: «Да начни с телеграмм! Ведь если бы не телеграммы...» Я и дослушивать не стал, так обрадовался этой подсказке. Точно, с телеграмм начинать нужно! А там уж как получится. История такая запутанная, что и не знаешь, за какой кончик браться нужно, чтобы ее распутать.

Итак, пришли однажды в Апалиху две телеграммы, и обе Королевым.

– Пойду отнесу, – сказала почтальонша Нина Николаевна, – порадую стариков.

Сказала так, взяла телеграммы и пошла. Уже у королевского дома, только-только из проулка вынырнув, встретила Нина Николаевна Маришку. Та как раз перед палисадником с друзьями играла: с Ромкой и Семкой. Увидев Маришку, Нина Николаевна крикнула:

– А Королевым телеграммы! – и помахала в воздухе белыми бумажными листками.

– Ура! – закричала Маришка и побежала навстречу почтальону.

– Дома-то кто? Бабушка или дедушка? – спросила Нина Николаевна подлетевшую к ней девочку.

– Никого, – ответила быстро Маришка. И пояснила: – Дедушка где-то ходит, а бабушка куда-то ушла.

– Так, понятно... – Почтальонша тяжело вздохнула. – Значит, ты сейчас за хозяйку?

Маришка кивнула головой и спросила:

– А от кого телеграмма?

– Да вам их целых две! – Нина Николаевна снова помахала бланками телеграмм. – Только я должна вручить их или дедушке или бабушке.

Маришка печально опустила голову:

– Что ж я до вечера не узнаю, от кого телеграммы?

Почтальонше стало жаль Маришку, и она сказала:

– Вручить телеграммы я тебе не могу... А вот прочитать – пожалуйста! Они не секретные.

Маришка вскинула голову и радостно зашебетала:

– Читай, тетя Нина Николаевна! Читай скорее!

Почтальонша взяла первую телеграмму и медленно, чуть ли не по складам, прочла: «Встречайте Митеньку пятого московским семнадцать тридцать московского целуем Гаряваря».

Последнее слово очень удивило тетю Нину Николаевну, и она прочла его еще два раза: один раз про себя, а другой – вслух.

– И точно «Гаряваря».. Это кто же такое?

– Не такое, а такие, – поправила ее Маришка. – Дядя Гаря и тетя Варя. А Митенька их сынок.

И тут только до нее дошло:

– Так, значит, он все-таки приезжает?

– Как видишь. – Почтальонша покрутила телеграмму от загадочного Гаривари. – Пятого, в семнадцать тридцать.

Она развернула вторую телеграмму: «Ждите пятого буду не буду пятого не ждите Гвоздиков».

Прочитав текст телеграммы, тетя Нина Николаевна вдруг пошатнулась и ойкнула:

– Ой!.. Голова что-то закружилась...

– И у меня, – призналась Маришка. И тут же догадалась: – Это телеграмма такая головокружительная!

Почтальонша спрятала бланки телеграмм в сумку.

– Что-нибудь запомнила?

– Все запомнила! – похвалилась Маришка. И отбарабанила, как на уроке: – Ждите пятого! Буду не буду! Пятого не ждите! Гвоздиков!

– Вроде бы так... А может, и не так... Ладно, авось бабушка с дедушкой разберутся что к чему.

И тетя Нина Николаевна отправилась в обратный путь на почту.

Глава вторая

Когда почтальонша отошла от Маришки, Семка и Ромка приблизились к подружке.

– Кто приезжает? – спросил Ромка с любопытством.

– Когда приезжает? – спросил Семка с притворным равнодушием.

– Митя приезжает, брат мой двоюродный, пятого.

– А-а... – протянул Ромка.

– Понятно, – сказал Семка.

– А еще дедушкин друг приезжает, Гвоздиков. И тоже пятого.

– Теперь тебе не до нас будет, теперь у тебя гостей полон дом! – обиженно произнес Ромка.

– А я друзей бросала? А я друзей забывала? – пошла на него в атаку Маришка.

Не выдержав натиска, Ромка попятился. И в этот момент за домами вдруг послышался громкий шум, и на дорогу выкатил грузовик, в кузове которого сидели трое неизвестных ребятам мужчин. Поравнявшись с королевским домом, машина остановилась, и из кабины высунулась голова четвертого неизвестного дядьки.

– Ребятки! – хрипло прокричала голова. – Где тут дорога на Муромскую Чащу?

– А туда нет дороги! – ответил Семка.

– Почему? – удивился дядька.

– А туда никто не ездит, – пояснил Семка.

– И не ходит, – добавил Ромка.

– Уже лет сто или двести, – уточнила Маришка окончательно.

Но незнакомца ответ не удовлетворил. Он вылез из кабины грузовика, подошел к ребятам и представился:

– Я – Опилкин, бригадир лесорубов. А это – моя бригада, – он кивнул в сторону сидящих в кузове людей. – Нам в Муромскую Чащу – во, как нужно попасть! – И Опилкин провел ребром ладони по горлу.

– А зачем? – спросила его Маришка.

– Как зачем? – удивился бригадир. – Рубить станем!

– Муромскую Чащу рубить?! – ахнули ребята хором.

– Говорят, что этот лесной массив здесь так называется, но нам все равно. – Опилкин зевнул. – Так где ваша Чаща находится?

Маришка посмотрела на Опилкина, на сидящих в кузове лесорубов и поняла, что они НИЧЕГО НЕ ЗНАЮТ.

– Вам жить надоело, да? – спросила она тихо и загадочно у бригадира.

– Что ты, девочка... – попятился от нее Опилкин.

– И вам тоже надоело жить? – уже громче спросила Маришка у других лесорубов.

Лесорубам жить не надоело, и поэтому они тут же повскакали с мест.

– В чем дело, девочка?!

Тогда Маришка поманила приезжих к себе. Когда они вылезли из машины и подошли вплотную, она сообщила:

– Вы же ничего не знаете!

И Ромка поддержал ее:

– Ну, совсем ничегошеньки!

А Семка сказал:

– И не узнали бы, если бы нас не встретили.

– Да чего не узнали бы?! – не выдержал Опилкин. – Мы торопимся, нам ехать нужно, а вы загадки загадываете!

– И ехать вам не нужно, и загадок мы не загадываем, – Маришка чувствовала себя сейчас хозяйкой положения и потому хотела рассказать приезжим о Муромской Чаще подробно и обстоятельно. – Если вы хотите, мы вам расскажем, ПОЧЕМУ вам не нужно ехать в Чащу.

Опилкин посмотрел на свою бригаду:

– Послушаем, что ли?

– А что не послушать, послушать можно, – сказал один из лесорубов.

– Тогда садитесь, – пригласила Маришка всех и первой уселась на траву, которая буйно росла по обочинам дороги. – В ногах правды нет!

– А в твоей истории правда есть? – на всякий случай спросил Опилкин, усаживаясь поудобнее.

– Конечно, есть, – обиделась Маришка, – хоть у них спросите! – И она кивнула на Ромку и Семку, примостившихся рядом с ней.

И хотя у них никто не спросил, Ромка и Семка охотно подтвердили:

– Точно-точно!

– Маришка не станет вам сказки рассказывать!

Глава третья

«Правдивая история о Муромской Чаще, рассказанная Маришкой Королевой приедем лесорубам».

Давным-давно, много-премного лет назад жили в нашей Апалихе два брата: Иван и Демьян. Фамилия у них была Горюшкины, и жили они небогато.

Вот однажды Демьян и говорит:

– Пойду я, Вань, новые земли искать. Говорят, есть неподалеку от нас Чаща Муромская: мечта-край и без хозяина. А ты тут пока живи, меня дожидайся.

– А если не вернешься? – спросил Иван.

– Вернусь. А коли к весне не свидимся, что ж, не поминайте лихом!

Сказал так Демьян и ушел. А Иван его дома остался ждать. Вот месяц прошел, другой, третий... Нет Демьяна! Иван волноваться начал. Да и родня, и соседи его пилить принялись: «Зачем одного Демку отпустил?! Почему с ним не пошел?!»

Мучился-мучился Иван Горюшкин, а к весне не выдержал. «Эх, – говорит, – пропадай моя телега, все четыре колеса! Пойду брата искать!»

Заколотил дом, свел к тетке своей корову, взял суму переметную, переметнул ее через плечо и пошел в края неизведанные, в Муромские края.

Вот день идет, вот два идет, на третий приходит...

– Километров сто отсюда будет? – перебил Опилкин.

– Восемьдесят шесть, – ответил за Маришку Семка. – Отец мой туда на мотоцикле гонял.

– Вот видишь! – обрадовался Опилкин. – А говорите, никто туда не ездит!

– Он два километра до Чащи не доехал – мотор заглох. Еле назад вернулся. – И Семка кивнул Маришке: – Давай, Мариш, рассказывай дальше.

– ... Вот приходит на третий день Иван Горюшкин к Муромской Чаще. А куда дальше идти? Где брата искать? Стоят перед ним дубы столетние, стоят перед ним сосны могучие – нижними ветвями травы-муравы касаются, верхними за облака уходят.

– Эй, дубы столетние! Эй, сосны могучие! – закричал Иван Горюшкин во всю богатырскую мочь. – Не видали вы моего братца Демьяна Елисеевича?

Молчат сосны, молчат дубы, не дают ответа.

Тут выбежал вдруг из-за деревьев заяц и ширк Ивану под ноги! А Горюшкин хватить его за уши и – в суму переметную!.. «Будет чем мне поужинать, – радуется, – не помирать же с голода, пока брата ищущу».

И опять суму через плечо повесил и в Чашу наугад пошел. Только не успел он и трех шагов ступить, как услышал за спиной голос знакомый:

– Так-то ты брата встречаешь, так-то ты брата привечаешь! Ах, Иван, Иван!.. Ох, Иван, Иван!..

Остановился Ваня, как вкопанный. Повернулся – нет никого! «Устал, вот и померещилось...»

Только он так подумал, только еще три шага ступил, как сзади опять кто-то как закричит Демьяновым голосом:

– Стой, говорю, Ванька! Стой, а то худо будет!

Остановился Иван. Кричат рядом, а никого нет.

– Сними суму переметную! – скомандовал невидимка.

Послушался Иван, снял суму.

– А теперь меня достань!

Вроде бы из сумы кричат... Открыл Иван суму, заяц оттуда как выпрыгнет, да как на Ивана напустится!

– Ты зачем меня в суму переметную запихал?! Я к тебе целоваться, а ты меня – за уши?! Ах, Иван!.. Ну, Иван!..

Ругается заяц Демьяновым голосом на чем свет стоит, а Иван на него глаза таращит. Наконец опомнился Ваня.

– Это ты, Дем? – спрашивает.

– Я, – отвечает заяц.

Жаль стало Ивану брата своего, чуть от жалости не заплакал во всю богатырскую мочь.

– Кто ж над тобой такое вот этакое сотворил?! Скажи, Дем, не таись, уж я с ним за тебя поквитаюсь!

Вздыхнул заяц тяжело, потом сказал:

– Колдун меня здешний заколдунил.

– ...Заколдовал, – поправил Опилкин.

Но Маришка упрямо повторила:

– Заколдунил.

И пояснила:

– Это не я так сказала, а Демьян. Я своего ни одного слова не добавляю.

И она продолжила свой правдивый рассказ:

– Я, – это Демьян говорит, – я сюда как пришел в Чашу, так душой и возрадовался. Земли сколько!.. Лесу!.. Зверья!.. Рыбы!.. Ну и давай делянку подыскивать. Тут он и пожаловал!

– Кто? – спросил Опилкин.

Но Маришка ему не ответила.

– Кто? – спросил Иван. (Стала Маришка рассказывать дальше).

– Колдун. «Ты чего сюда пожаловал?» – у меня спрашивает. – Да вот, – говорю, – хочу в этих местах поселиться. Потом брата сюда вызову, тетку с дядьями, племяшей... Хорошо тут! – говорю. А он мне в ответ: «Ну что ж, раз тебе у нас так понравилось – поселяйся. Живи сколько хочешь. Только о брате, о тетке с племяшами и думать забудь.» Ну я, известное дело, рассердился на такие слова и говорю ему: «Шел бы ты, дедушка, на печку, не мешался бы под ногами». Нагрубил, одним словом. Он меня и заколдунил!..

Маришка скосила один глаз на Опилкина, но бригадир уже и не думал поправлять рассказчицу. Тогда Маришка продолжила:

– Взмахнул старик руками и заговорил громко-громко, так что сосны затряслись, и с них какие-то шишки посыпались.

– Известно какие с сосны шишки падают, – вмешался один из молоденьких лесорубов, – сосновые!

– Да кто их знает, какие это были шишки! – рассердилась Маришка. – Некогда было Демьяну их разглядывать! Посыпались шишки, ну и посыпались, не в них суть. А колдун прокричал: «Оставайся же ты в Чаще Муромской навеки вечные! И ходи в образе заячьем, и питайся морковкой и капустой, и пусть тебя брат родной не признает, если сюда пожалует!»

– И ударил колдун в ладоши, и превратился я в зайца! – закончил Демьян свой печальный рассказ.

– Бедный ты, бедный! – погладил его Ваня Горюшкин по голове. – И живешь ты в образе заячьем, и не признал тебя брат родной!..

Так сидели они долго-долго, а потом Иван и говорит:

– Вот что, Дем, пойду-ка я того колдуна искать. Или он тебя расколдует, или пусть и меня в длинноухого превращает. Нету нам, видно, другой середины!

Попробовал Демьян его отговорить, да только Иван крепко на своем стоял.

– Пойду, – говорит, – или я его, или он меня!

И пошел он прямо вперед, а Демьян потихоньку сзади запрыгал. Долго ли, коротко ли шел Иван, долго ли, коротко ли прыгал Демьян, только добрались они до того домика, в котором колдун жил.

– Эй, есть тут кто живой? – закричал Иван и забарабанил по ставням ладонью.

Открылась из сеней дверца, вышел старик-колдун на крыльцо.

– А, Иван пожаловал! С худым или с добрым?..

– Ты нашего Демку в зайца превратил, а еще спрашиваешь! А ну, превращай его обратно в человека, не то худо будет!

Кричит Иван, а старичок только в усы и в бороду посмеивается.

– Нет, Вань, не будет мне худо. А вот тебе, глядишь, и не поздоровится. Разве можно старшим грубить?

– Нельзя, – согласился Горюшкин.

– А раз нельзя, так и не груби. – Старичок присел на ступеньку, улыбнулся: – Это хорошо, что ты за брата заступаешься. Только он поделом наказан: не спросясь рубить – корчевать надумал! Да еще помощников нагнать посулил. Этак от всей красоты нашей одна голая степь останется.

– Так уж и степь... – буркнул Ваня недоверчиво.

– «Так уж и степь!» – передразнил его старик-колдун. – А ты как думал?

– Никак, – признался Горюшкин.

– Вот то-то и оно! И Демка твой о нашей Муромской Чаще «никак» думал. Схватил топор и айда валить! – Старичок поднялся с крыльца, поежился от вечерней прохлады. – Вот пусть теперь одну морковку с капусткой похрумкает.

Он увидел прячущегося в кустах Демьяна и спросил:

– Ну как: вкусна капустка?

– Так нету ее еще... Не выросла... – отвечает Демьян. – Чем попало питаюсь...

Пожалел тогда старик-колдун зайца непутевого и сказал:

– Ладно, расколдую я тебя, так и быть. Но сперва возьму с вас обоих клятву. Согласны?

– Согласны! – закричал Демьян, вылезая из кустов.

– Согласны! – сказал Иван, подойдя к колдуну поближе. – А какую клятву?

– Поклянитесь мне и всей Чаще Муромской, что пока свет стоит и Земля вертится, пока род людской на земле живет, не ступит здесь нога человечья, не рухнет от руки его ни одно дерево в Чаще Муромской, не падет от стрелы его ни одна птица муромская, не сгинет от ружья охотничьего ни один зверь муромский. И ту клятву со всех людей возьмите. А кто ее не даст или нарушит ее кто и к нам сюда в Чащу пожалует, то приключится с тем злодеем такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Только смолк колдун, как загредел гром, засверкала молния, и превратился Демьян снова в человека.

– Клянемся тебе, дедушка, что так и будет! – говорит колдуну Демьян.

– Да уж не придем сюда больше, так и быть, – говорит Иван, – попробуем у себя в Апалихе жизнь получше наладить.

С тем поклонились они старичку и пошли от него прочь, в свое село.

И с тех пор – тысяча лет прошла! – не ходит в Муромскую Чащу никто, обходят-объезжают ее стороной, клятву, данную Горюшкиными, соблюдают! – закончила Маришка свой рассказ.

А Семка добавил:

– И самолеты там не летают. Один полетел, да еле вылетел. Летчик живой, а ничего не помнит!

– Слышал про такой случай. – Опилкин поднялся, стряхнул с брюк насевшую пыль. – Разве это здесь было?

И не дождавшись ответа, скомандовал бригаде:

– В машину – арш!

Повернулся снова к Маришке и сказал напоследок:

– Спасибо, девочка, за сказку. Так где, все-таки, тут дорога на Муромскую Чашу?

Глава четвертая

Если бы Маришкин дедушка знал, что ему сегодня пришлют сразу две телеграммы, то он наверняка бы остался дожидаться их дома и никуда не ушел бы с Дружком. Но Петр Васильевич ничего о телеграммах не ведал и потому, с легкой душой выйдя утром на крыльцо и сладко потянувшись, сказал, косясь на солнышко:

– А не размяться ли нам?..

Из-под крыльца вылез Дружок и, беря с хозяина дурной пример, тоже потянулся и тоже сладко зевнул.

Дедушка поправил на голове кепку и, берясь за крючок на калитке, спросил:

– Ну, хвостолов, куда сегодня пойдём?

– Куда хочешь! – хотел крикнуть Дружок, но у него почему-то так не получилось. Он только пролаял: «Гав-гав!», – и растерянно уставился на хозяина.

– «Гав-гав!», – передразнил дедушка пса и проворчал не зло: – А точнее нельзя сказать?

– Нельзя! – ответил глазами Дружок. – Не получается точнее!

– Эх-хе-хе... – вздохнул Петр Васильевич и открыл калитку. – Пойдем тогда без маршрута.

И они отправились туда, куда глядели их глаза и вели ноги. Так получилось, и это навеки останется загадкой и для дедушки и для Дружка, что глаза и ноги привели их в лес.

– Гляди, Дружок, никак мы в лес притопали! – удивился Петр Васильевич, входя в сосновый бор.

– Это ж надо ж... – тяжело дышал в ответ пес, поблескивая озорными карими очами.

– Теперь делать нечего, теперь придется по лесу прогуляться... – И дедушка вдруг задорно и оглушительно запел любимую походную песню, которой его обучила внучка Маришка еще два года тому назад:

«На парад идет отряд,
Барабанщик очень рад,
Барабанит, барабанит
Полтора часа подряд!..»

Дедушкино пенье Дружок терпел молча. Нельзя было сказать, что он вообще не любил музыку и песни, просто он не любил ТАКОЕ, ТАК и ТУТ. «В лесу нужно тихонько охотиться, – думал Дружок, внюхиваясь на бегу в лесные ароматы, – и выть при этом во все горло совсем не обязательно».

«Раз-два!.. Лево-право!..
Барабан уже дырявый!..»

Дедушка прокричал последний куплет и рухнул со стоном на траву. «Не знаю как барабан, а вот Петр Васильевич вроде бы и вправду худой стал...» – подумал дедушка о самом себе как о постороннем человеке.

Поняв, что в округе все птицы и звери распуганы дедушкиным пеньем и что охота не состоится, Дружок повалился на землю рядом с хозяином. «Нельзя человека в лес пускать... Пользы от него там никакой, а вреда много, – подумал Дружок сердито и понюхал первую попавшуюся под нос ветку. Ветка пахла зайцем. – Обидно, – снова подумал Дружок и тяжело

вздыхнул, – запах остался, а заяц убежал. Лучше бы наоборот». – И он устало закрыл глаза, отдаваясь в плен грустным мыслям.

Плыли высоко в небе, поглядывая сверху вниз на Петра Васильевича с Дружком, белые кучевые облака и небольшие редкие тучки.

– Ишь разлеглись, лежебоки! – рассердилась вдруг одна из тучек и запустила в отдыхающих на поляне крупную дождевую каплю.

ШЛЕП! – Дружку прямо в нос.

– Ай! – подпрыгнул Дружок.

Вредной тучке понравилось, как скачет от ее капель глупый пес, и она на минуту остановилась над поляной и принялась швыряться дождевками.

ШЛЕП! ШЛЕП! ШЛЕП! – зашлепало вокруг Петра Васильевича.

– Чего лежишь, прятаться нужно! – скакал рядом с ним Дружок, не желая спастись в одиночку.

Кряхтя, дедушка поднялся.

– И чего дождь пошел? – шептал он, прячась под ветви огромного дерева. – По всем приметам, не должно быть дождя, а он – на тебе! – пошел!

Дедушка подставил ладонь и поймал несколько капель.

– Брось! Брось – чихнул сердито Дружок. А про себя подумал ворчливо: «О приметах заговорил... Старееет хозяин!»

Дождь кончился быстро, но дедушка все стоял и стоял под деревом и никак не хотел уходить домой. Неподалеку от него, низко опустив голову и чуть ли не касаясь носом земли, бегал кругами Дружок.

«Ему бы сапером быть, мины искать... – подумал Петр Васильевич, глядя на верного пса. – Цены ему тогда бы не было!»

Вдруг Дружок резко остановился и замер.

– Ну вот, – улыбнулся дедушка, – то минера изображал, а теперь собаку охотничью передразнивает!

И он громко крикнул:

– Дружок, ко мне! Не в театр пришел выступать, а в лес!

Но Дружок его не послушал, он только вильнул хвостом и передернул ушами.

– Что ж ты там такое услышал интересное? – не очень сердито проворчал Петр Васильевич и приставил к правому уху ладонь.

Полминуты он слышал только одну звенящую тишину. Но вот до него донесся ровный протяжный звук. Звук плыл над деревьями и, по мере приближения к Петру Васильевичу и Дружку, он усиливался.

Дружок заскулил.

– Не реви! – прикрикнул на пса дедушка, спутав его из-за волнения с внучкой Маришкой. – Никто тебя не съест!

«Твоими устами да мед бы пить!..» – подумал Дружок, однако подвывать и скулить перестал.

А Петр Васильевич, вслушиваясь в странный гул, принялся молча гадать: «Самолет? Нет. Вертолет? Нет. Ракета с космонавтом? Вряд ли. Метеорит? Кто его знает, скорее всего, нет». Отчаявшись отгадать, Петр Васильевич в сердцах воскликнул:

– Не Баба Яга летит, же, в самом деле!

И сам улыбнулся своему странному предположению.

Но скоро улыбка сползла с дедушкиного лица так же быстро, как и появилась. Над деревом, под которым стоял Петр Васильевич, мелькнула тень, и через секунду, прекратив свист и гул, на полянку опустилась большая, потемневшая от времени и разных передраг,

ступы. В ней, цепко держа в руках старенькое пересохшее помело, сидела Баба Яга. Петр Васильевич узнал ее сразу, хотя ни разу в жизни с ней и не встречался.

Дружок, успевший вовремя опомниться, с визгом отскочил от садившегося ему на голову летательного аппарата. Дедушка отступил на два шага назад и уперся спиной в могучий ствол дерева. Подлетевший к нему пес прижался к ногам хозяина. Отступить дальше было некуда.

– Ну, здравствуйте, голубчики! – весело сказала Баба Яга, насладившись впечатлением, которое она произвела на общество. – Вы-то мне и нужны!

И она не спеша стала вылезать из ступы, а дедушке и Дружку ничего не оставалось делать, как только терпеливо ее дожидаться.

Глава пятая

Из леса дедушка и Дружок вернулись живые, но «повредимые». Бабушка так и сказала, стоило ей только увидеть вошедшего с улицы Петра Васильевича:

– Ах, батюшки!.. Да ты, никак, повредился!

Голова и руки дедушки мелко тряслись, а сам он бормотал что-то странное:

– Кто говорил: «Нету?».. Все говорили: «Нету!».. И я говорил: «Нету».. А они... А оно... А она...

Бабушка и Маришка еле-еле усадили Петра Васильевича на сундучок.

– Да что с тобой приключилось? – попыталась дознаться бабушка.

Но дедушка только шептал:

– Нету... Вот вам и «нету»!.. А на голову Дружку... кто сел?..

– На голову?! Дружку?! – вскрикнула Маришка и выбежала во двор.

Дружок ходил кругами по двору и изредка жалобно повизгивал. «Тоже повредился», – подумала Маришка и ласково позвала пса к себе:

– Друженька, иди ко мне, миленький!

Сделав еще один круг, Дружок совершил посадку возле Маришки. «Мы такое видали!.. Мы такое слышали!..» – хотел он сказать девочке, но не сказал, а только чихнул. Однако по его глазам Маришка успела все прочитать.

– В лесу были? – спросила она строго.

– Да, – кивнул головой пес и снова виновато чихнул.

– Волка или медведя встретили? – продолжила свой допрос Маришка.

«Что волк!.. Что медведь!.. – подумал Дружок и грустно улыбнулся про себя. – Стали бы мы нервничать из-за них!»

Сообразив, что от Дружка не добьешься толка, Маришка вернулась в дом. За это время бабушка успела немного отпить деда чаем, и тот начал потихоньку приходить в себя.

– Да что же с вами стряслось? – пытаюсь говорить как можно спокойнее, спросила бабушка, ставя стакан на стол.

– Да уж стряслось...

– Расскажи, дедань! – приступила к Петру Васильевичу с расспросами и Маришка.

– Что рассказывать, все одно не поверите...

– Поверим-поверим! – попыталась убедить его Маришка.

А бабушка даже немного обиделась:

– Это когда я тебе не верила? Да было такое хоть раз, а?

– Не было, – признался дедушка виновато. – Ну, слушайте...

И он рассказал жене и Маришке о том, что приключилось с ним и Дружком в лесу.

– Значит, про братьев Горюшкиных не сказка... – проговорила бабушка задумчиво после того, как дедушка закончил свой рассказ. – Значит, В Муромской Чаще и правда эти самые есть...¹ И что им от тебя надобно?

– Да то же, что и от Горюшкиных, – вздохнул дедушка и добавил фразу, которую слышал недавно по телевизору: – только на современном этапе.

Он выпил еще один стакан чая и окончательно пришел в себя:

– Прилетела эта красавица к нам со специальным заданием. Уполномочили меня объявить какому-то Опилкину, чтоб он не затевал вырубку Муромской Чащи.

Петр Васильевич пожал недоуменно плечами:

– А я и не знаю никакого Опилкина!

¹ Бабушка не знала как нужно правильно называть обитателей Муромской Чащи и поэтому назвала их «этими самыми».

Маришка, стоявшая до этого молча целых три минуты у порога, вдруг сделала шаг вперед и тихо сказала:

– А я его знаю...

– Откуда?! – удивились дедушка с бабушкой дружно.

Но Маришка словно бы и не слышала их вопроса.

– Предупреждала его...

– О чем?! – еще больше удивились бабушка с дедушкой.

Но и этот вопрос остался без вразумительного ответа. Словно подводя итог своим мыслям, Маришка прошептала:

– Ну, теперь им покажут!..

Глава шестая

Третьего июня в семь часов сорок восемь минут по московскому времени астроном-любитель Георгий Александрович Жмуркин схватился обеими руками за голову и со слезами на глазах счастливо прошептал:

– Наконец-то!.. Наконец-то я сделал открытие!..

После чего он отпустил голову и вновь вцепился в подзорную трубу.

– Я назову его «НЛО ЖМУРКИНА», – шептал Георгий Александрович, тщетно пытаясь поймать снова в окуляр Неопознанный Летающий Объект. – Я уверен, что его никто еще кроме меня не видел!

Он направлял подзорную трубу и влево, и вправо, и вверх, и вниз – тщетно: НЛО исчез! Жмуркин отпустил трубу и присел на стул. «Да видел ли я его?» – закружилась к нему в душу сомнение. Астроном-любитель устало прикрыл глаза. Станный предмет, по форме напоминающий большую ружейную гильзу, проплыл перед его мысленным взором. Предмет летел в нарушение всех законов аэродинамики «торчком», и не по прямой, а виляя, причем изредка предмет взмывал вверх или нырял вниз, словно проваливаясь в воздушные ямы. Из НЛО что-то торчало, но что именно Жмуркин никак не мог рассмотреть – ни в трубу, ни мысленным взором. К летящему предмету был прикреплен небольшой шест с радиоантенной. Только «метелка» антенны находилась почему-то не вверху шеста, а внизу.

«Нужно сделать запись в „Журнале наблюдений“, – подумал Георгий Александрович, открывая глаза. – И рисунок НЛО не мешало бы туда поместить».

Он подошел к маленькой тумбочке, открыл журнал и, присев снова на стул, стал описывать все, что видел пять минут назад. Сделав обстоятельную запись авторучкой, он взял в руки карандаш. «НЛО ЖМУРКИНА» – красиво вывел Георгий Александрович название. После чего он начал рисовать по памяти СВОЙ НЛО. Рисовал Жмуркин хорошо, и вот что у него получилось:

– Странно... – прошептал Георгий Александрович, откладывая карандаш в сторону и глядя на свое графическое творение, – кажется, где-то когда-то я видел что-то похожее на это...

Но на воспоминания у Жмуркина уже не оставалось времени: нужно было спешить на работу.

Глава седьмая

Если бы ты знал, дорогой читатель, как не терпелось Жмуркину поделиться новостью о НЛО с кем-нибудь из своих коллег! Но Георгий Александрович хорошо понимал, что никто ему не поверит. Хуже того – засмеют. И так над ним изрядно посмеивались за его пристрастие к звездному миру. Во всем городе у Георгия Александровича был только один человек, которому он мог рассказать об увиденном. Этого человека звали Аяксом Гермогеновичем Окуляровым.

– Есть новость, – позвонил Георгий Александрович во время обеденного перерыва другу.

– Какая? – спросил Аякс Гермогенович.

– Потрясающая! – охотно ответил Жмуркин.

Окуляров поморщился: он не любил потрясений.

А Жмуркин, тем временем, продолжал шептать в телефонную трубку:

– Только, Аякс Гермогенович, это не телефонный разговор... Услышат посторонние – будут смеяться... Давайте встретимся после работы, и я тогда все расскажу подробно?

– Хорошо, – согласился Окуляров, – в восемнадцать ноль-ноль на углу Коперника и Королева.

И он, повесив трубку, направился вслед за коллегами в заводское кафе «Ромашка».

Ровно в шесть часов вечера друзья повстречались в условленном месте. Пожав Жмуркину руку, Окуляров спросил:

– Что за новость? Выкладывай.

Жмуркин покосился по сторонам: прохожих было много, но все спешили по своим делам и подслушивать чужие секреты, кажется, не собирались.

– Я видел НЛО! – прошептал Георгий Александрович в ухо Окулярову.

– Не ты первый, – меланхолично заметил Аякс Гермогенович. – Это была летающая тарелка?

– Нет! – сияя от счастья, хрипло зашептал Жмуркин. – Не тарелка! Скорее, стакан, бидон, термос, но только не тарелка!

Аякс Гермогенович покачал головой:

– Только летающих стаканов нам и не хватало!

Окуляров взял приятеля под руку и медленно повел его по тротуару в сторону городского парка с красивым и скромным названием «Липки».

– Ты сам увидишь мой рисунок, а может быть, и НЛО, если он только снова покажется. Я сделал запись в «Журнале наблюдений» и нарисовал Объект. – Жмуркин не обижался на недоверчивость Окулярова, понимая всю исключительность своего сообщения. – И ты знаешь, Аякс Гермогенович, НЛО управляется живым существом!

Окуляров вопросительно приподнял густые черные брови и уставился на Георгия Александровича.

– Да-да, управляем! – повторил Жмуркин и потянул Окулярова к уютной скамье в глубине парка. – На его борту находится гуманоид!

– Даже так? А почему не два, не три, не четыре гуманоида?

– Я видел только одного. Объект крайне мал, чтобы вместить еще кого-нибудь.

Окуляров, услышав эти слова, снисходительно улыбнулся:

– Тем более, мой друг, ты мог ошибиться. Крошечный НЛО – это нелепица! Где размещать в нем приборы, питание, другие необходимые для длительного полета вещи? Или ты считаешь, что гуманоиды могут обходиться без них?

Задав ехидный вопрос, Аякс Гермогенович терпеливо стал дожидаться ответа. И он не замедлил последовать:

– А почему бы и нет?

Теперь Жмуркин смотрел на Окулярова чуть хитровато прищурившись, а тот, сердито вдруг засопев, заерзал на скамейке.

– Ну, знаешь, Георгий Александрович... Без еды, без приборов, без оружия... Кто отважится на такое путешествие?

– Из людей никто, – охотно согласился Жмуркин, – но гуманоиды...

– Да нет никаких гуманоидов! – вспылил вдруг Аякс Гермогенович. – Гуманоиды – плод досужей фантазии писателей-фантастов! Бред! Мистика! Ну, сам скажи: кто их видел?

– Я, – скромно и тихо ответил Георгий Александрович, – целый час тебе об этом толкую и все без толку!

Жмуркин схватил валявшуюся под скамейкой сухую палочку и принялся чертить ею на парковой дорожке изображение НЛЮ. Но на асфальте, которым была покрыта дорожка, никаких следов от палочки не оставалось. Тем не менее Георгий Александрович терпеливо скреб асфальт, а Окуляров так же терпеливо наблюдал за его манипуляциями. Наконец Жмуркин закончил свой сизифов труд и, выпрямляясь, спросил Аякса Гермогеновича:

– Теперь тебе понятно?

– Не все, – признался Окуляров, – многое осталось неясным.

Он помолчал, потом развел руками и добавил удрученно:

– А если быть до конца честным, то я ничего не понял!

Аякс Гермогенович нагнулся над невидимым чертежом и, ткнув в него пальцем, спросил:

– Вот это, например, что за метла?

Жмуркин не удержался и засмеялся:

– Ну, Аякс Гермогенович, ты и шутник! Разве это – метла? Это – антенна!

И он еще раз изобразил палочкой на асфальте любимое помело Бабы Яги.

– Примитивная радиоантенна... А я принял ее за метлу... – смущенно сказал Окуляров и покраснел как морковка.

– Бывает! – снисходительно произнес Георгий Александрович и похлопал приятеля по колену. – Я сам часто вижу одно, а принимаю его за другое!

– А почему антенна торчит вниз, а не вверх? – любопытствовал Окуляров снова.

Жмуркин пожал плечами:

– Это для меня самого загадка. И НЛЮ летел как-то странно – торчком... Скорее всего у НИХ все не так, как у нас, устроено.

Такой ответ не удовлетворил Аякса Гермогеновича:

– У НИХ ТАМ действительно все может быть по-другому. Но у НИХ ЗДЕСЬ должно быть все, как у нас.

И он добавил чуть грубовато:

– Иначе расшибутся в лепешку.

Пока друзья говорили и спорили, в парке стало темнеть. Пожилые люди начали расходиться по домам, спеша к вечерней усадле жизни – телевизору. На смену им в аллее хлынула молодежь.

– Кажется, нам пора, – спохватился первым Аякс Гермогенович, – помоложе нас пришли звездочеты, – и он кивнул на усевшихся от них неподалеку двух молодых людей в одинаковых майках.

– Встретимся в моей обсерватории? – спросил Жмуркин, поднимаясь вслед за Окуляровым со скамьи.

– Завтра в двадцать ноль-ноль. Предупрежу своих – и я твой до утра!

Они вышли вместе из парка и там у ворот простились.

Глава восьмая

Оставим же, дорогой читатель, на время наших астрономов-любителей, и вернемся в Апалиху. Тем более, что ни четвертого, ни пятого июня НЛО не появлялся больше вблизи от жмуркинской обсерватории.

Встречать гостей на железнодорожную станцию отправились бабушка, Маришка и Дружок. Дедушку они не взяли с собой, так как после знакомства с Бабой Ягой он плоховато себя чувствовал, а в лес, пусть и неподалеку, и вовсе боялся ходить. Он и бабушку с Маришкой сначала не хотел пускать на станцию, но потом все-таки согласился.

– Ты что, Петр Васильевич, – сказала ему бабушка, – к нам гости едут, а мы встречать не придем? Да делали мы так хоть раз?!

– Не делали, – развел руками дедушка, – но и с нечистой силой, вроде бы, не встречались...

– И не встретимся больше, – заверила его бабушка. – Чего она будет зря на глаза-то лезть? Сказала, что надо – и сгинула.

Бабушкины слова оказали свое доброе воздействие. Дедушка повеселел, разрешил Маришке идти с бабушкой на станцию, а сам проводил их до калитки.

– И правда, чего ей зря на глаза лезть? – повторил он бабушкины слова на прощанье. Подумал немного и пожал плечами: – Разве что, напомнить захотят?

Бабушка улыбнулась и, уже с улицы, сказала:

– Это дело мы потом обсудим. С гостем твоим, с Иваном Ивановичем!

– Гвоздиков – мужик толковый, этот присоветует! – обрадовался дедушка и помахал вслед уходящим кепкой: – Ну, до свидания!

– До свидания! – крикнула ему в ответ Маришка и, взяв бабушку за руку, потянула ее в лес.

Поезд пришел на станцию вовремя. Машинист весело погудел в гудок и помахал Маришке рукой в окошко. Когда состав остановился, дверца одного из вагонов отворилась, и наружу высунулась голова Мити:

– Бабушка-а-а!.. Маришка-а-а!.. Я где-е-есь!

Бабушка радостно ахнула и кинулась к внуку. Маришка хотела последовать за ней, как вдруг увидела, что дверь еще одного из вагонов тоже отворилась, и по ступенькам стал спускаться невысокого роста старичок в белом костюме и белой широкополой шляпе. «Гвоздиков!» – догадалась Маришка и побежала его встречать.

Дружок, который вначале помчался за бабушкой, метнулся теперь за Маришкой, но быстро растерялся и сел на землю. Оба эти человека были дороги его сердцу, но разорваться на две части он не мог, хотя очень этого сейчас хотел.

Когда Митя спрыгнул с нижней ступеньки вагона на землю, он сразу же оказался в объятиях у бабушки.

– Какой большой! – удивлялась она, прижимая к себе внука, – совсем-совсем взрослый!

Спустился на землю и Гвоздиков. Проводница подала ему небольшой чемодан, попрощалась с любезным пассажиром – и поезд отправился дальше. Иван Иванович огляделся по сторонам и недоуменно подумал: «Странно: девочку вижу, мальчика вижу, старушку вижу, собаку какую-то и ту вижу. А друга юности – нет! Может быть, заболел Петя? Или телеграмму не получил?»

Но все его сомнения развеяла подбежавшая к нему Маришка.

– Вы Гвоздиков? Вы Иван Иванович? Вы дедушкин друг юности? Вы в гости к нему приехали? – затараторила она быстро-быстро.

Иван Иванович сначала было растерялся, но скоро пришел в себя. «Да это же Маришка, Петина внучка! – догадался он. – Петя писал о ней».

– Да, я Гвоздиков, – представился он Маришке, – а ты – Маришка? Ну, здравствуй! – и Гвоздиков протянул ей руку.

– Здравствуйте! – Маришка вложила свою ладошку в ладонь Ивана Ивановича. – С приездом!

После чего потащила Гвоздикову к тому месту, где стояли Митя и бабушка.

Дружок радостно взвизгнул и помчался к ним. Наконец-то все собрались вместе, и не нужно рвать себя на части!

Глава девятая

Встречать всю ораву дедушка вышел за околицу. Дальше идти он не решался – дальше был лес.

Приезд гостей так обрадовал Петра Васильевича, что он до позднего вечера даже и не вспомнил о Бабе Яге и ее поручении. Без нее у него нашлось, о чем поговорить с Иваном Ивановичем.

После ужина – досыта наевшись и досыта наговорившись – гости и хозяева разбрелись кто куда: Маришка повела Митю знакомить со своими друзьями, а дедушка и Иван Иванович вышли посидеть перед домом на скамейке и подышать свежим воздухом.

– Ты тоже приходи, – пригласил Петр Васильевич бабушку, – секретов у нас нет.

– Приду, только потом, – пообещала бабушка. И тут она напомнила: – А ты пока посоветуйся с другом...

Петр Васильевич сначала не понял, о чем это он должен советоваться с Гвоздиковым. Но как только понял, то сразу же вспомнил и Бабу Ягу, и ее предостережение – и ему стало невыносимо грустно.

– Ну что ж, пойдем посоветуемся... – сказал он другу, надел на голову любимую кепку и вышел из дома первым.

Гвоздиков, сняв с вешалки свою белую шляпу, поспешил за ним следом.

Иван Иванович Гвоздиков был очень ученый человек. Он с детства верил в науку и никогда не верил в нечистую силу. Поэтому появление Бабы Яги из Муромской Чащи он сразу же попытался объяснить с научной точки зрения.

– Что такое «нечистая сила»? – спросил он Петра Васильевича и многозначительно поднял вверх указательный палец.

Маришкин дедушка посмотрел на палец и, немного подумав, ответил:

– Сам, что ли, не знаешь... Лешие, русалки, Баба Яга вот...

Но такой ответ не удовлетворил Гвоздикова. Он опустил руку и сам ответил на свой вопрос:

– Нечистая сила – это представления многих и многих человеческих поколений о непонятных, странных явлениях природы. Понятно?

– Понятно, – кивнул дедушка, соглашаясь с приятелем. – Видал я недавно одно такое «представление»... И Дружок наш видал... – Дедушка тяжело вздохнул. – Как только не представился после него – сам не пойму!

Гвоздиков немного рассердился и поспешил с разъяснением своей идеи:

– Ты не представление видел! Ты видел материализованное представление! По-видимому, здесь, в ваших краях, эти представления о нечистой силе сконцентрировались наиболее плотно. И им удалось – вот как, этого я и сам не пойму – материализоваться. Теперь понятно, Петь?

Петр Васильевич поднял грустные глаза на своего ученого друга, и тот сразу понял, что апалихинский старожил не полностью уяснил себе его слова. Но другого ответа у Гвоздикова не было. Повисло минутное молчанье. Наконец, словно очнувшись и выйдя из глубокого раздумья, Петр Васильевич спросил:

– Ну и что с ними делать? С материализованными-то? А?

Но Гвоздиков молчал, наука была бессильна пока ответить на этот вопрос.

– Придется, видно, этих лесорубов искать. – Дедушка снял кепку и положил ее на колени. – А то начнут лес валить, а их и вправду...

Тут Петр Васильевич внезапно замолчал и закашлялся.

– Договаривай, коли начал, – хмуро произнес Гвоздиков.

– И договору! – рассердился дедушка не известно на кого. – Договорю! Заколдуют их, превратят в какую-нибудь пакость, потом ни один профессор обратно не расколдует. Нужно выручать бедолаг!

Гвоздиков с ним согласился:

– Точно, Петь! Позвоним по телефону...

Договорить до конца он не успел. Петр Васильевич подскочил на скамейке как ошпаренный, кепка его свалилась наземь, но он даже не заметил этого.

– Ты что?! О тайне великой звонить повсюду собрался?!

– Не повсюду, а в институт, – обиделся Гвоздиков.

Но Петр Васильевич снова перебил его:

– Не нужно, сами справимся! Сами экспедицию соорудим. – Тут он заметил валявшуюся на земле любимую кепку, поднял ее и, стряхивая ладонью пыль, уже тише и спокойнее, сказал: – Только Маришке о том – ни гу-гу! Рано ее в такие дела брать, мала еще.

На том и порешили.

Глава десятая

Сначала все получалось по-дедушкиному: тайком от Маришки заготовили рюкзак с необходимыми вещами и продуктами, выбрали кратчайший маршрут до Муромской Чащи, назначили час отправления в поход... И тут случилось непредвиденное: дедушка заболел. Ночью, накануне путешествия, у Петра Васильевича вдруг поднялась температура, появился сильный кашель, и Гвоздиков с бабушкой сразу поняли, что он в Муромскую Чащу теперь не ходок. Понял это и дедушка. Откашлявшись и тяжело дыша, он тихо и виновато прошептал своему другу на ухо:

– Прости, Вань... Вот ведь как у нас все вышло... Хотели два добрых дела сделать: людей от Чащи и Чащу от людей спасти, да ни одного не сделали...

Петр Васильевич уткнулся лицом в подушку, бледной и худой рукой натянул одеяло на себя до самых плеч. Гвоздиков хотел утешить друга и потому сказал бодрым голосом:

– А я и один справлюсь! Всего-то и дел – лесорубов вернуть!

Дедушка высвободил лицо из подушки, с трудом повернул его к Ивану Ивановичу:

– Ты дороги не знаешь...

– Узнаю!

– В трех соснах заблудишься...

– Не заблужусь, я компас с собою возьму!

– В озере или в болоте утонешь...

Гвоздиков хотел было ответить весело и бодро: «Выплыву!», но не успел. В этот момент дверь из соседней комнатки открылась, и на пороге появилась Маришка.

– Тебе, дедушка, вредно волноваться, – сказала она строго, – спи, пожалуйста.

Потом Маришка повернулась к Гвоздикову:

– И вы, Иван Иванович, тоже спите спокойно. Так и быть, мы вас возьмем с собой.

Гвоздиков очень удивился:

– Куда вы меня возьмете?

– И кто это – «мы»? – добавил дедушка растерянно.

– Как кто? Мы с ребятами! – Маришка потянулась и, прикрывая рот ладошкой, сладко зевнула.

– Ох, как спать хочется!.. – сказала она и, догадавшись, что ее до конца так и не поняли, пояснила: – В Муромскую Чащу возьмем, неужели неясно?

И Маришка бережно, боясь скрипнуть и разбудить уже спящего Митю, затворила за собой дверь.

Глава одиннадцатая

Итак одна хитрость не удалась: тайна экспедиции была Маришкой раскрыта. Но Гвоздиков не унывал. Перед самым рассветом, когда петух Королевых еще сладко подремывал на своем насесте, сочиняя во сне новую утреннюю песню, Иван Иванович поднялся с постели, тихо оделся, взял в руки рюкзак и, надевая его на плечи, вышел из дома.

«Пока Маришка хватится, я уже далеко буду!» – радостно думал он, шагая по пустынной улице. Кругом было тихо. Собаки, облаявшись до хрипоты еще со вчерашнего вечера, теперь крепко спали, уткнув носы в собственные животы. Коровы и овцы, услышав сквозь дрему далекие человечесьи шаги и быстро сообразив, что этот одинокий путник не имеет ничего общего с пастухом Васей, принялись торопливо досматривать последние предутренние сны. Легкий ветерок, совсем еще несмышлениш, родившийся каких-нибудь пять минут назад прямо здесь на апалихинской улице, взметнулся из-под ног Ивана Ивановича и весело помчался по дороге, окропляя себя и Гвоздикова пылью столетий. «Ах, баловник!..» – покачал головой старый путешественник, пытаясь спрятать от себя самого ласковую улыбку. Дойдя до конца села, Гвоздиков остановился:

– Сейчас сориентируемся и дальше пойдём...

Иван Иванович стал снимать рюкзак. Расстегнув ремешки рюкзака, он принялся рыться в его содержимом. При этом он не переставал все время бормотать себе под нос:

– Сейчас сориентируемся и дальше пойдём... Найдем компас и – полный вперед!.. По компасу – раз! – и сориентировался...

Гвоздиков дорылся до самого дна рюкзака, но компаса не обнаружил.

– Где же он тут завалялся... – пробормотал Иван Иванович, тщетно ощупывая все рюкзачные закоулки. Но компаса, который он сам положил туда своими собственными руками, нигде не было. Он исчез!

– Странно... – прошептал Иван Иванович, потеряв всякую надежду отыскать пропавшую, – очень странно...

Он медленно застегнул ремешки на рюкзаке и снова взвалил его на плечи.

– Ну и как быть дальше?

Вернуться назад он никак не мог, идти вперед без компаса...

И тут Гвоздикова осенило. «Пойду по звездам!» – решил Иван Иванович и бодро вскинул голову вверх.

И вовремя: он успел увидеть, как на небе погасла самая последняя звездочка. Наступал рассвет.

Глава двенадцатая

Маришка тихонько распахнула окно на улицу и, обернувшись, прошептала вглубь комнаты:

– Вылезай скорее!

Поеживаясь от ночной прохлады, хлынувшей в окно, Митя нырнул через подоконник в палисадник. Следом за ним полезла Маришка. Прикрывая за собою окно, она прошептала:

– Теперь за Семкой и Ромкой!

Выскользнув через калитку на улицу, беглецы зашагали к условленному месту. Но Семки и Ромки там не оказалось.

– Не продержались, уснули! – с горечью и обидой проговорила Маришка. – Пусть теперь на себя и пеняют!

– Может быть, еще подождем? – предложил Митя.

Но Маришка мгновенно отвергла его предложение.

– Они теперь до утра продрыхнут, а нам спешить нужно. Люди погибнуть могут, понимаешь? Сама Чаща Муромская погибнуть может!

Маришка перевела дыхание и деловито осведомилась:

– Компас в кармане?

– В кармане, – подтвердил Митя.

– Записку для дедушки и бабушки оставил?

– Оставил.

– Тогда идем! Нам еще Ивана Ивановича догнать нужно, пока он без компаса совсем не заблудился.

И Маришка решительно сделала первый шаг в ту сторону, где их никто не ждал, но ждали необыкновенные приключения и злоключения.

Глава тринадцатая

А теперь, мне кажется, самое время вернуться к нашим лесорубам. Где они? Добрались или нет до заветной цели?

Добрались. Правда, последнюю часть пути до Муромской Чащи бригаде пришлось проделать пешком. Предсказания апалихинских ребятишек стали сбываться, как только грузовик выкатил за село. Сначала лопнула левая передняя шина. Потом правая задняя.

– Все! – сказал шофер, меняя второе колесо. – Запасок больше нет!

– Больше и не понадобятся, – бодро ответил ему Опилкин, – скоро мы приедем. Во-он она Чаща! – И он ткнул пальцем в далекий, чуть видный в знойном мареве, лес.

Машина радостно рыкнула, рванулась с места и покатила туда, куда указывал опилкинский палец.

Но не успели лесорубы проехать и сотню метров, как под грузовиком снова бабахнуло, и его снова перекосило на левый бок.

– Все, – повторил обреченно шофер, останавливая машину, – приехали...

Он вылез из кабины, попинал по шоферскому обычаю осевшее колесо, прошел по дороге несколько шагов назад. Лесорубы, смотревшие на него с любопытством, увидели, как он вдруг остановился и стал носком ботинка ковырять землю. Потом нагнулся и вытащил из нее непонятный предмет, похожий издали на огромную погремушку.

– Что откопал? – крикнул ему из кузова самый старший по возрасту лесоруб.

– Не знаю, дядя Егор... Железяка какая-то ржавая. В колючках вся.

Шофер крутил в руках странную находку и не знал, что ему делать с ней: то ли выбросить подальше от дороги, то ли взять на всякий случай с собою.

Подошедший к нему Опилкин сердито выхватил железяку и, брезгливо осмотрев ее, проворчал:

– Ты что, Баранкин, ни разу в жизни такой штуки не видел?

– Не видел, – честно признался шофер.

– Эх ты! – усмехнулся бригадир, – ведь это же самая обыкновенная булава!

И он отбросил булаву в густой придорожный чертополох.

После небольшого совещания лесорубы решили идти дальше пешком. Егор Ведмедев, как самый сильный, взвалил на себя груз потяжелее. Братья Разбойниковы – одного звали Саша, другого Паша – взяли то, что полегче. А бригадир Опилкин взял все остальное.

– Эх, и жалко мне вас! – не выдержал Баранкин, прощаясь с бригадой. – Пропадете вы там!

– Ты сам не пропади, – буркнул сердито Опилкин.

– Я-то не пропаду! – не обидевшись, ответил шофер. – Встречу попутку, попрошу целую камеру и – айда домой!

Улыбнувшись, он помахал рукой вслед удалявшимся уже от него лесорубам.²

² Баранкин был прав, он действительно не пропал. Он и сейчас, возможно, стоит на том же месте и ждет попутки.

Глава четырнадцатая

В Муромскую Чащу они не вошли, а вползли. Тяжеленный груз на плечах с каждым шагом клонил лесорубов все ниже и ниже к земле, пока совсем не свалил их с ног.

Первым упал Саша. Вторым – Паша. Третьим опустился на четвереньки Ведмедев.

– Тут близко... – пропыхтел он Опилкину, – я так дойду...

Один лишь бригадир сумел до самой Чащи удержаться на ногах.

– Потерпите, братцы, – шептал он спекшимися от жары губами, – тут недалече...

До этого «недалече» оказалось полчаса ползком.

– Не послушались детишек, теперь вот расхлебываем! – простонал Ведмедев, роняя свою седую кудрявую голову на мягкую бархатистую траву.

Опилкин, хотя и устал, старался держаться молодцом.

– Дети должны старших слушаться, а взрослые детишек – нет! – огрызнулся он, спихивая с головы прижавший его к земле вещмешок. Потом бригадир помог освободиться от груза братьям Разбойниковым, потом снял поклажу с Ведмедева. – Поднимайтесь, ребятки, обедать сейчас будем.

– Обедать – дело хорошее, – сказал Егор Ведмедев, но не поднялся, а только сел, прилонясь спиной к дереву.

– Поесть не мешало бы, – Саша жалобно посмотрел на брата.

– Сейчас... сейчас встану... – с трудом проговорил Паша и сделал попытку подняться.

– А ты не сразу, не сразу, – поспешил к нему на помощь Опилкин, подхватывая Разбойникова-старшего под локотки. – Куда спешишь?

– За дровами, – ответил Паша, оказавшись вновь на ногах. – Костер нужно запалить, еду греть.

– Ну, ступай, – охотно разрешил бригадир и вручил Паше новенький с белым, не крашеным топориком походный топорик.

Засунув топорик за пояс, Паша Разбойников двинулся в глубь леса.

– Чуть что – кричи! – посоветовал ему вслед Ведмедев.

– А что кричать? – обернулся Паша.

– Что успеешь, – сказал Ведмедев и предложил три варианта: – «Караул!», «Спасите!», «Помогите!».

– Ладно, – кивнул Паша Разбойников, и кусты за его спиной сомкнулись.

Паша не хотел удаляться от друзей слишком далеко, да в этом и не было никакой необходимости. Деревья, кусты, сухой валежник – все было под рукой. «Сейчас натяпаю охачку и обратно пойду» – подумал Паша, и рука его потянулась за топором. Но вдруг неподалеку хрустнула ветка, и он испуганно вздрогнул:

– Кто тут?

Из кустов высунулась кудлатая мальчишеская голова и, уставясь растерянно на Пашу, удивленно проговорила:

– Эх, ты-ы!.. Вот это да-а!..

Смущенный тем, что испугался мальчишки, Паша сказал, виновато улыбаясь:

– Фу, леший, напугал! – и уже строже добавил: – Чего по лесу шастаешь?

Пришел в себя и мальчишка. Все еще не вылезая из кустов, он бойко проговорил:

– А ты, дяденька, откуда знаешь, что я леший?

Мальчишка смотрел на Пашу и ждал от него ответа. Но ответа не было. Скорее был вопрос, который при желании можно было прочитать в глазах Разбойникова-старшего: «Леший?! Настоящий леший?!»

Так и не дождавшись от человека ответа, мальчуган выбрался из кустов и подошел поближе.

– Ты кто? – спросил он Пашу. – Заблудший?

Паша несколько раз отрицательно мотнул головой, что должно было означать одно: нет!

Мальчуган подтянул сползавшие домотканые штаны, переступил с ноги на ногу и снова спросил:

– Ты вправду настоящий человек или понарошку им притворяешься?

На этот странный вопрос у Паши тем более не было ответа. Мальчишка, которому не терпелось всласть наговориться с ЗАБЛУДШИМ НАСТОЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ, начал сердиться:

– Сапоги надел и уже загордился? погоди, ужо дед Калина тебе язык развяжет!

Мальчишка вдруг засмеялся:

– Сначала развяжет, а потом опять завяжет, в три узелочка!

Такое будущее заставило Пашу заговорить.

– Паша я... – тихо произнес он, пересиливая испуг и удивление.

– А я – Шустрик! – охотно представился житель Муромской Чащи. Он протянул свою руку бедному лесорубу, и тот с чувством, похожим на ужас, пожал ее. Рука была как рука: теплая и немытая, совсем как Пашина, только меньше. Это немного успокоило Разбойникова-старшего, и он снова проговорил:

– А дед Калина кто?

– Как кто? – удивился Шустрик. – Дедушка мой. Его все знают! Но догадавшись, что хотя дедушку Калину и знали все в округе, однако человек по имени «Паша» его все-таки не знал, объяснил поточнее:

– Дедушка Калина – самый главный лешак в Муромской Чаще. Его все слушаются. А кто не слушается... Впрочем, таких у нас теперь нет: все давно позаколдованы.

И довольный своим объяснением, Шустрик кивнул на топор, заткнутый у Паши за пояс:

– А это чего и для чего?

– Это? – переспросил Разбойников-старший по привычке и так же по привычке потрогал топорище рукой. – Это – топор. Деревья рубить.

– Деревья рубить?! – ахнул маленький лешачок, побелев от гнева. – А я-то думал, что ты заблудший!..

И выкрикнув эти слова, Шустрик вдруг растворился в воздухе. А из-за пояса изумленного и вновь растерявшегося бедолаги-лесоруба вывалилось топорище и упало на землю. Рядом с топорищем просыпалась горстка ржавчины. Это было все, что осталось от новенького, выданного со склада пять дней назад, топора.

Глава пятнадцатая

Добрый старый лешак Калина Калиныч спал в трухлявом пне, уютно свернувшись калачиком и похрапывая от наслаждения. Ему снова снились цветные сны со звуком. По этому счастливому похрапыванию Шустрик и отыскал своего деда.

– Калина Калиныч! Дедушка! – закричал он, кружась возле пня. – Вставай скорее!

Сны, испугавшись громко вопящего мальчугана, смолкли, обесцветились и исчезли. Поняв, что смотреть больше нечего, старый леший нехотя поднялся со своего ложа.

– В чем дело? – хмуро спросил он внука. – Почему кричишь среди бела дня? Леший ты или нет? Жди своего часа!

Но Шустрик нее мог ждать и минутки.

– Вставай, дедушка! – закричал он снова, только чуть тише. – Вставай скорее! Тут такое там!.. – И он махнул рукой в глубину леса.

– Что-что? – переспросил Калина Калиныч внука. – Объясни-ка потолковее.

И он приготовился слушать ТОЛКОВУЮ речь Шустрика. Но бедный лешачок сгоряча понес что-то несусветное:

– Тут такое случилось!.. Там такое появилось!.. Вроде бы человек, а вроде бы не человек!.. Я к нему с добром, а он ко мне с топором!.. Зовут его Паша... Вот где беда наша!

И Шустрик, шмыгнув носом, смахнул рукавом рубахи выступившую на ресницах слезу.

Калина Калиныч, усевшись поудобнее на пеньке, смотрел на внука и пытался сообразить, что же такое сейчас сообщил ему Шустрик. Он понял, что в Муромской Чаще появился человек по имени Паша с топором в руках и, кажется, с не лучшими намерениями в сердце. Может быть, это и был кто-то из лесорубов, о которых говорила ему недавно старая летунья Баба Яга? Но услышать подробности от Шустрика Калина Калиныч уже не надеялся. Нужно было действовать самому.

– Где он? – спросил он у внука, поднимаясь с пеньки.

– Там, – еще раз махнул рукой Шустрик в сторону, откуда недавно примчался он сам, – около ивы Плаксы.

Калина Калиныч хотел было еще что-то спросить, но вдруг приложил палец к губам и прошептал:

– Тсс!.. Нас подслушивают!

Шустрик быстро обернулся туда, куда смотрел его дед, но увидеть шпиона уже не успел. И только по мелькнувшим в зарослях орешника маленьким золотистым лапоточкам он понял, кто там сидел каких-то несколько мгновений тому назад.

До места стоянки лесорубов Калина Калиныч и Шустрик добрались за одну секунду: они умели это делать. Высунувшись слегка из-за кустов и протянув вперед руку, Шустрик зашептал над самым ухом Калины Калиныча:

– Вот они, дедушка! Всю поляну помяли, нечистики!

Там, куда указывал внук, дед разглядел две брезентовые палатки. Возле одной из них стояли Опилкин и Ведмедев и о чем-то ожесточенно спорили.

– Который тут Паша? – поинтересовался Калина Калиныч. Шустрик всмотрелся в незнакомцев и ответил:

– Его здесь нет.

Но стоило ему только произнести эту фразу, как из палатки вышел еще один лесоруб, в котором Шустрик признал своего старого знакомца, хотя на самом деле это был Саша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.